

ЗизЛекс – «Лексис» Лаврентія Зизанія. «Синоніма славеноросская» (Підгот. текстів пам'яток і вступ. статті В.В. Німчука. – К.: Наукова думка, 1964).

ЄвЛ 1644 – *Євангеліон сирѣчь: Блговѣстїє Бг҃дѣновинныхъ євангелїєчъ.* – Львів, 1644 (друкарня братства). – [12], 412 арк. (стародрук).

ЄвКП 1697 – *Євангелїи или Блговѣствованїє.* – Київ, 1697 (друкарня лаври). – 438 арк. (стародрук)

Лим – *Лїмонарь. Сирѣчь, цвѣтнїкь.* – Київ, 1628 (друкарня Соболя). – 183 арк. (стародрук).

ОБ – *Бнелїа сирѣчь книги вѣчѣлаго и новаго заветѣа.* – Острог, 1581. – 628 арк. (стародрук).

ПКП – *Патерїкь или штечнїкь пѣчкерїї.* – Київ, 1661 (друкарня лаври). – 314 арк. (стародрук).

СмГр – Смотрицький М. *Грамматїки славнїкїа правнїноє Євнѣагма ...* Єв'є, 1619 (тип. Віленського братства). – 492 с. (Факс. перевид. К.: Наукова думка, 1979, підгот. В.В. Німчука).

Тр – *Євхологїон лебо молитвоглов, или трїєннїкь.* – Київ, 1646 (друкарня лаври). Ч. 1 – 860 с. (стародрук).

ТрЦв – *Трїодон снєгь Трїєєннїєє свѣтой великой Пѣтїдєєднїцї.* – Київ, 1631 (друкарня лаври). – [22], 828 с. (стародрук).

В статье на материале старопечатных изданий рассмотрены особенности образования и значения форм аориста в церковнославянском языке украинской редакции конца XVI – XVII ст.

Ключевые слова: украинская редакция церковнославянского языка, формы прошедшего времени, аорист.

The peculiarities of formation and meaning of aorist forms in the ukrainian edition of the Church Slavonic language as of XVI-XVII c.c. are observed in the article on the ground of black-letter publications.

Keywords: ukrainian edition of the Church Slavonic language, past tense forms, aorist.

Надійшла до редакції 18 січня 2010 року.

Елена Купченко

ББК Ш81.2Р
УДК 811.163

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ ЛЕКСЕМЫ **ОУМЪ** В АГИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕВОДА «ЖИТИЯ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО»)

*У статті проаналізовано семантичний потенціал лексеми **оумъ** у давньоруському тексті «Житія Андрія Юродивого», визначено провідну роль категорії розуму для агіографічної літератури. Антропологічний підхід до слова дозволяє провести реконструкцію мовної свідомості середньовічного книжника, система ідеалів та цінностей якого виявляє себе на всіх мовних рівнях.*

Ключові слова: семантика, значення, розум, агіографія.

Постановка проблеми. Проблема отражения мыслительной деятельности человека в языке связана с антропоцентрическим переворотом в лингвистике. Как утверждает А. Я. Гуревич, язык является ключом к познанию «многослойного мыслительного универсума» [Гуревич 1984: 50]. Е. В. Маслий считает язык необходимым условием порождения и развития культуры и, одновременно, средством ее формирования и существования [Маслий 2007: 354].

Средневековая культура, как и современная, развивалась в языковой оболочке. Т. И. Вендина полагает, что опора на языковые средства в анализе смысловых категорий позволит исследователю избежать субъективности в оценке культурных фактов и духовных ценностей средневековья [Вендина 2002: 6]. Для нашего исследования интерес представляет мироощущение древнерусского книжника, выраженное в категории разума.

В святоотеческой литературе традиционно развивалось учение о «стройном разуме» как духовно-нравственном состоянии человека, в котором достигается гармония между верой и логическим началом. Показательным в этом отношении является агіографієський жанр (житія свѣтѣх), сформированный в Византии в середине IV в. и развивавшийся под влиянием евангельских рассказов, древнееврейского фольклора, эллинистического приключенческого романа, церковных поучений и античной биографии [Лоевская 2003: 122]. С принятием христианства каноны византийской литературы закрепились в Древней Руси.

Для изучения агіографієського текста анализ категории разума приобретает особенное значение, поскольку выражает мировоззрение святого, а для юродивого – даже тип святости. В христианском дискурсе X

© Купченко О.А., 2010

- XI вв. само понятие юродивый определяется посредством категории разума: *ѡродивъ ѡрос* – «глупый, неразумный», а *ѡродити сѧ* – «лишаться рассудка» [Старославянский словарь 1994: 805]. Поэтому категория разума является основной, смыслообразующей, в житии юродивого и включает в себе всю парадоксальность этого подвига, в котором соединяется противоречие между Божественным разумом, истиной и поверхностным здравым смыслом и моральным законом.

Языкотворческая деятельность древнего русича фиксирует закономерности его мирозерцания на всех языковых уровнях, прежде всего на лексическом. Лексика является самой динамичной и выразительной сферой проявления языкового сознания.

Целью нашей статьи является исследование многообразия семантических употреблений лексемы *оумъ* на материале древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого» [Молдован 2000: 159 - 335] (далее – ЖАЮ).

В современном русском языке значения лексемы *ум* характеризуют мыслительную деятельность человека («сознание, мыслительная деятельность»), его интеллектуальные способности («способность человека мыслить отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях») и психическую деятельность («нормальное состояния рассудка, психическое здоровье») [Словарь современного русского языка 1964, т. 16: 287 - 288].

В начале ЖАЮ употребление лексемы *оумъ* близко к общеязыковому: «разум, рассудок; способность размышлять; интеллектуальные способности». Это значение характеризует Андрея юродивого как рассудительного, способного к обучению и стремящегося к познанию человека: (30) *трѣзвъ же сын отрокъ оумомъ своимъ. въскорѣ изучисѧ псалтыри. и числомъ.и всемъ. кнкоже оумтъ кго велаше кмѣ*, что в дальнейшем противопоставлено его парадоксальному подвигу.

Таким образом, лексема *оумъ* как языковая реализация категории разума раскрывает перед нами первую антиномию: природный ум и безумное поведение. Следовательно, в житии изображено не природное безумие, а сознательно принятое юродство во Христе. «Юродивые, будучи истинно мудрыми людьми, приносили величайшую жертву – отказывались – отрешались от ума, когда деятельность их переходила во внешнюю жизнь» [Тальберг 2000: 188]. Стремление к попранию собственного тщеславия и скрыванию своих добродетелей связано с традициями византийской аскетики.

Личные качества ученика Андрея юродивого – святого Епифана характеризуются лексемой *оумъ* в значении «мудрость; благоразумие»: (2290) *оумъ во его и медвеныи его разѡмъ украсили его сѣть*. Мышление средневекового человека носило дидактический характер, в связи с чем акцент в портрете святого Епифана делается на духовные качества. Значение лексемы *оумъ* в данном контексте осмысливается в соответствии с нравственными категориями, понятиями «добра» и «зла».

Синонимический повтор лексем *оумъ* и *разѡмъ* создает смысловую параллель и формирует градиционные отношения в древнерусском тексте жития. Т. И. Вендина полагает, что понятия «ум» и «разум» в средневековом сознании практически не различались [Вендина 2002: 233]. Однако, на основании значений, которые даёт «Старославянский словарь», понятие «ум» может быть отнесено к процессам мыслительной деятельности человека, а понятие «разум» – не столько к человеку, сколько к абсолютному пониманию разума, философскому концепту [Старославянский словарь 1994: 738].

В описании внутреннего, духовного, состояния человека лексема *оумъ* в ЖАЮ приобретает значение «мысли (помыслы)»: (77) *веньць такѣ же воюю имѡахѣ. такоже оумъ члвчскъ не можетъ нарещи*. С помощью лексем *оумъ*, *срѣце* и *дхъ* описывается внутренний мир человека, его духовный центр, средоточие его мыслей и чувств: (1383) *си же на оумѣ и на срѣцѣ своемъ рекъ*; (1818) *не могли оумъ его деръжати съ срѣцѣмъ*; (912) *стогахъ же забывсѧ. въ неизрѣннѣ зарю имѡа оумъ вшедша. ... клекаше срѣце мок радовашесѧ дхъ мон*.

В момент видения святым Андреем невещественного мира его состояние демонстрируется посредством идеи уподобления Богу (1181) *блжныи оумъ свои дѡа.иже по возѣ*. Идея подобия, схожести с Богом органически входила в языковое сознание средневекового человека, поэтому смысл нравственного развития средневековой личности состоял в движении к Богу и уподоблении ему.

Говоря о смысле жизни святого Андрея, её устремлённости, автор использует лексему *оумъ* в значении «замысел, намерение»: (1431) *авне приложисѧ оумъ его на приложение вжие*.

Одной из важнейших духовных ценностей средневековья является познание. Поскольку носителем абсолютного и истинного знания является только Бог, ценность знания определяется близостью к познанию самого Бога, пониманию добра и зла. В контексте (4571) лексема *оумъ* получает значение «богопознание; божественная премудрость»: *расѡуженье во оумъ есть стага дха*. Таким образом, в языковом сознании средневекового человека истинная премудрость неизменно связана с богопознанием.

Отметим, что употребление лексемы *оумъ* в описанных значениях использовалось для характеристики личных качеств святого Андрея и его ученика, а также для описания духовного состояния самого юродивого в момент откровения. Однако в ЖАЮ лексема *оумъ* также употребляется по отношению к Творцу – в значении «Дух»: (1247) *оумъ есть оць. а слово снъ. а дхъ еже въ обою сѣщна мысль*; (2240) *родивынсѧ исперва ѡ*

великаго оумѧ. Сочетание великѧ оумѧ Ф. Миклошич переводит как «Господь» [Словарь старославянского языка 2006: 659]. Божественный принцип средневековья был регулятивным принципом, определявшим жизнь каждого человека, для понимания мышления средневекового человека чрезвычайно важной являются номинация Бога.

С архетипом языкового сознания средневекового человека также связан метонимический перенос «человек – ум»: (1006) и възрѣвъ на страшною высоту онѧ. оустрашающаа всякого оумѧ. видихъ прѣтль страшень на въздусѣ висаща. Как мы видим, метонимия представляет здесь не столько языковой, сколько когнитивный процесс, в рамках которого человек оценивается прежде всего по его способности мыслить, рассуждать, следовать нравственным нормам, а также познавать своего Творца.

Следует отметить большое количество устойчивых сочетаний с лексемой оумѧ в древнерусском тексте жития. Лингвистами давно отмечено, что устойчивые сочетания оказывают влияние на появление новых значений лексемы.

По значению сочетания с лексемой оумѧ в ЖАЮ можно разделить на две части:

1) утверждающие разум: (818) тако вѣваше и доброта птенець тѣхъ. паки же и перваго птенца красота оужасаетъ ми срѣце. оумѧ мон въ кдино свираѧ («опомниться, прийти в себя») [Старославянский словарь 1994: 728]; приде ми на оумѧ («подумать, осознать, прийти в голову») [Старославянский словарь 1994: 728];

2) свидетельствующие о безумии: (1165) вѣшенъ нѣкто не въ своемъ оумѧ мимонды. часть нѣчто ѿ имѣнна моего оукрадѧ. оубѣжа; (2421) погубивъ свои оумѧ позоры дѣѧ стою тако («лишиться ума, потерять рассудок») [Старославянский словарь 1994: 728].

Если сочетания первой группы когерентно зависимы от текста, то элементы второй группы автономны по значению. Синонимичные им производные от лексемы оумѧ указывают на отношение окружающих к парадоксальному поведению святого: (184) тако безумна и вѣшена; (371) безумнаа кго словеса; (364) безумнымъ образомъ гше.

Вывод. Формирование смысловой структуры данной лексемы связано с развитием денотативной основы, метонимическим употреблением лексемы и с её фразеологизацией.

Семантическая многоплановость лексемы оумѧ в древнерусском тексте ЖАЮ формирует разветвлѣнную смысловую структуру. Можно выделить следующие значения лексемы оумѧ в ЖАЮ: 1) разум, рассудок; интеллектуальные способности; 2) мудрость, благоразумие; 3) мысли (помыслы); 4) замысел, намерение; 5) богопознание; божественная премудрость; 6) святой дух (как номинация Бога).

От обозначения мыслительной деятельности человека, оценки его психического состояния, значение лексемы в житии приводит нас к нравственным категориям добра, зла, идее богопознания и уподобления Богу и вершиной своей имеет номинацию самого Творца. Юродивый, заслуживший славу безумного на земле, обретает такой божественный дар как разум духовный и становится олицетворением божественной премудрости.

Значительная проработанность лексики жития, характеризующей человека как духовную и социальную личность, свидетельствует об интересе средневекового человека к своему внутреннему миру, духовной жизни и оценке собственной нравственности. Анализ семантических контекстов с лексемой оумѧ как одного из главных репрезентантов категории разума в тексте ЖАЮ показал, что в языковом сознании средневекового книжника человек понимается не как греховное по своей природе существо, но как разумная и творческая личность, образ и подобие своего Творца.

Перспективным представляется целостный анализ языковых репрезентантов категории разума в древнерусской агиографии.

Литература

Вендина 2002: Вендина, Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т.И. Вендина. - М.: «Индрик», 2002. – 336 с. – Библиогр.: с. 327–334.

Гуревич 1984: Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М.: «Искусство», 1984. - 350 с. – Библиогр.: с. 327–334.

Лоевская 2003: Лоевская, М. М. Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох [Текст] / М.М. Лоевская // Вестник МГУ. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. - № 1. – С. 112-121.

Маслий 2007: Маслий, Е. В. Ценностная составляющая концепта «юродство» как самобытного феномена русской культуры [Текст] / Е.В. Маслий // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. - Серия «Филология». – Т. 20 (59). – №1. – 2007. - С. 354 - 359.

Молдован 2000: Молдован, А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности [Текст] / А.М. Молдован. – М., 2000. – 760 с. - Библиогр.: с. 662 – 674.

Тальберг 2000: Тальберг, Н. История русской церкви [Текст] / Н. Тальберг. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. – 924 с. – ISBN 5-7533-0311-0.

Словари

Словарь современного русского языка 1964: Словарь современного русского литературного языка. Т. 1 – 17. – М.: Изд-во АН СССР; Л.: Наука. Ленинградское отд-е, 1950–1965.

Словарь старославянского языка 2006: Словарь старославянского языка. – Т. 1 – 4. – СПб., 2006.

Старославянский словарь 1994: Старославянский словарь (по рукописям X - XI вв.) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес (ред.). – М., 1994.

В статье проанализирован семантико-функциональный потенциал лексемы оумъ в древнерусском переводе «Жития Андрей Юродивого», выявлено ключевое значение категории разума для агиографической литературы. Антропологический подход к слову позволяет провести реконструкцию языкового сознания средневекового человека, система идеалов и ценностей которого проявляет себя на всех языковых уровнях.

Ключевые слова: семантика, значение, разум, агиография.

The article is analysed the semantiko-functional potential of a lexeme оумъ, enter value of a category of Reason. The anthropological approach to a word allows to carry out reconstruction of language consciousness of the medieval person, which ideals and values proves at all language levels.

Keywords: semantica, reason, madness, agiography.

Надійшла до редакції 21 січня 2010 року.

Наталія Тома

ББК 81.2 Укр.

УДК 821.161.2' 33 : 2 – 287] ''16''

МОВНІ ОСОБЛИВОСТІ КАЗАННЯ ПЕТРА МОГИЛИ

«Крестъ Христа Спасителя и каждого человекъка»

У статті на прикладі писемної пам'ятки першої половини XVII ст., що належить Петрові Могилі, розглядається мова казання як одного з видів ораторсько-проповідницької прози. Проповідь проаналізовано з погляду лексики, стилістики, синтаксису, словотвору. Лексичні особливості проповіді розглядаються на прикладі абстрактної лексики.

Ключові слова: абстрактна лексика, абстрактне значення, казання, тематична група.

Петро Могила, культурний і релігійний діяч, мислитель, проповідник, письменник, відомий в історії України першої половини XVII ст. – складного періоду становлення української державності та церкви, періоду українського бароко, характерними рисами якого було зародження церковно-ораторської та наукової діяльності.

П. Могила є автором релігійно-дидактичних і богослужбних праць: «Євангеліє учителное», «Євхологiон, альбо Молитвослов, или Требник», «Катихисис сирѣчь исповѣданіе православныя вѣры католическія и апостолскія церкви восточныя», полемічного твору «Литбос». Також йому належать казання, наприклад, «Крестъ Христа Спасителя и каждого человекъка» і «Розповіді про чудеса», пов'язані з мощами святих Києво-Печерської Лаври. Твори Петра Могили були важливим джерелом для укладання історичних словників Є. Тимченка та «Словника української мови XVI-першої половини XVII століття».

Дослідники розглядали постать митрополита в різних аспектах – як освітнього діяча, засновника вищої школи, організатора церковного життя, видавця книг, захисника української культури, письменника-публіциста і проповідника. Проте деякі сторони його діяльності, наукової спадщини ще не досліджені. Сказане стосується лінгвістичного аспекту оригінальних і перекладних творів.

Про особливості мови творів київського митрополита знаходимо відомості у біографів (С.Т. Голубев), дослідників давньої літератури (Л.В. Ушкалов), мовознавців (І.І. Огієнко, О.Т. Горбач), філософів (В.М. Нічик), статтях Г.М. Наєнко («Іншомовні елементи в мовотворчості П. Могили» та «Філософська проблематика «Требника» Петра Могили: термінологічний аспект».)

Тривають дискусії вчених щодо питання, якою мовою Петро Могила писав свої твори. На думку французького славіста А. Мартеля, у XVII ст. церковнослов'янська мова занепадає, а її місце займає польська. Проте дослідник не міг заперечити, що П. Могила намагався вживати мову, зрозумілу широким масам населення [Жуковський 1997: 21]. В іншому місці своєї праці цей самий автор зауважує, що Могила вживав мову, основа якої була церковнослов'янська, але більшість її елементів запозичені з тогочасних української і польської мов. Цією мовою були написані проповіді і панегірики, а також віршовані п'єси, надруковані в другій половині XVII ст. [Жуковський 1997: 21].

М. Костомаров вважав, що Петро Могила та його вихованці із Київської колегії працювали над розвитком руської мови і словесності, хоча в той час значно зміцнювали свої позиції латинська мова, грецька та польська. Мова творів вихованців Київської колегії того часу була досить віддалена від живої народної через